

Николай Михайлович Карамзин

**Пантеон российских
авторов**

Николай Михайлович Карамзин

Пантеон российских авторов

28 марта 1800 года Карамзин в письме Дмитриеву сообщил о начале работы над «Пантеоном»: «Я пишу теперь notiцы к портретам русских авторов». В 1802 году в издании П. Бекетова вышли четыре тетради «Пантеона». Позже для собрания сочинений Карамзин дополнил «Пантеон» некоторыми новыми характеристиками писателей. Одним из главных источников был «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н. Новикова, изданный в 1772 году. В тексте сохраняются даты жизни и смерти писателей, сообщенные Карамзиным.

Содержание

Боян	0006
Нестор	0008
Никон	0010
Матвеев Артемон Сергеевич	0012
Царевна София Алексеевна	0014
Симеон Петровский Ситианович Полоцкий	0015
Димитрий Туптало	0016
Феофан Прокопович	0017
Князь Хилков Андрей Яковлевич	0020
Князь Кантемир Антиох Дмитриевич	0022
Татищев Василий Никитич	0024
Климовский Семен	0026
Буслаев Петр	0027
Тредиаковский Василий Кирилович	0028
Сильвестр Кулябка	0030
Крашенинников Степан	0031
Барков Иван	0032
Гедеон	0033
Димитрий Сеченов	0034
Ломоносов Михайло Васильевич	0035
Сумароков Александр Петрович	0038
Эмин Федор	0041
Майков Василий	0043
Поповский Николай	0045
Попов Михайло	0047

**Николай Михайлович
Карамзин**

Пантеон российских авторов

Боян

За несколько лет перед сим в одном монастырском архиве нашлось древнее русское сочинение{1}, достойное Оссиана и названное «Словом о полку Игореве». Знатоки наших древностей утверждают,{2} что оно должно быть произведением XII века. В нем живо описываются бедствия России и храбрость сынов ее, дикость нравов и сила героев. Автор неизвестен; но в начале своей песни он именует другого песнопевца, Бояна, славит его дарования и называет *Соловьем древних лет*. Мы не знаем, когда жил Боян и что было содержанием его сладких гимнов; но желание сохранить имя и память древнейшего русского поэта заставило нас изобразить его в начале сего издания. Он слушает поющего соловья и старается подражать ему на лире. Может быть, жил Боян во времена героя Олега; [1] может быть, пел он славный поход сего аргонавта к Царю-граду, или несчастную смерть храброго Святослава, который с горстию своих погиб среди бесчисленных печенегов, или блестящую красоту Ольги, ее невинность в

сельском уединении, ее славу на троне.

Нестор

Монах Киевского Печерского монастыря, родился в 1056, умер около 1120 года.

Нестор жил во мраке первого-надесять века: итак, мог ли быть Тацитом? Все летописи тогдашних времен говорят о суеверных преданиях, единообразных войнах, нападениях, отражениях и молчат о том, что было бы для нас гораздо любопытнее: о нравах, обычаях народов, их понятиях, отличных людях, переменах в образе жизни и проч. Несмотря на то, Несторова летопись есть сокровище нашей истории как по своей древности, так и по некоторым характерным чертам, важным и, так сказать, лучезарным для прозорливого историка новых, счастливейших времен. Например, краткая речь князя Святослава к его дружине перед битвою с греками не есть ли достаточное, славное изъявление древнего русского мужества и народной гордости? «Не посрамим земли русския, но ляжем костьми; мертвые бо срама не имеют. Станем крепко; иду пред вами». Что может быть сильнее и разительнее? Таких золотых мест довольно в

Несторе. Будем ему благодарны. Старинные летописи других народов едва ли совершеннее наших.

Никон

Патриарх Московский, родился в 1613, умер в 1681 году.

Простой чернец Кожеозерского монастыря и через семь лет патриарх России, знаменитый не ученостью, но благочестием и деятельною ревностью к вере: чему служит доказательством исправление духовных книг и другие церковные учреждения его времени. Вдохновенный христианским смирением, Никон сложил с себя верховный сан и в тихом уединении Воскресенского монастыря, в тесной келье, осененной густыми деревьями, проводил дни свои, богу и душеспасительным трудам посвященные. Там, в часы отдохновения, собирал [2] он древние летописи России, известные ныне под его именем и служащие основанием нашей истории.

В сем прекрасном монастыре, окруженном богатствами природы, и доныне все еще напоминает Никона и строгое житие его. Когда цветет весна и громкие песни соловьев раздаются в долинах воскресенских, обитатели Москвы посещают Новый Иерусалим и с чув-

ством благоговения входят в кельи смиренного патриарха.

Матвеев Артемон Сергеевич

Ближний боярин, наместник разных городов, царския большия печати и государственных посольских дел оберегатель; приказов: Стрелецкого, Казанского и других, тако же и Монетного двора главный судия. Родился в 1625, убит стрельцами во время бывшего московского мятежа в 1682 году.

Боярин Матвеев, наперсник и друг царя Алексея Михайловича, при юном царе Феодоре страдал семь лет в заточении по нелепому доносу извергов, обвинявших его в тайном сношении с злыми духами; возвратился наконец с честью и славою в Москву, чтобы чрез несколько дней... умереть на копьях стрелецких! Жертва своих достоинств, зависти людей и злобы мятежников.

Историк народа российского когда-нибудь осенит гроб Матвеева пальмою славы: она и любовь чувствительных сердец остаются последнею надеждою добродетели в сем бурном мире.

Мы изображаем его здесь как автора: он сочинил историю князей и царей наших, под-

несенную им царевичу Феодору [3].

Напомним читателю, что славный полководец России, тот, кто именем русских воинов заключил вечный союз с победою, — одним словом, Румянцов-Задунайский, был праправнук Матвеева.

Царевна София Алексеевна

Родилась в 1656, скончалась в 1704 году. Здесь не место описывать характер Софии, которая есть одна из великих женщин, произведенных Россиею. Скажем только, что она по уму и свойствам души своей достойна была называться сестрою *Петра Великого*; но, ослепленная властолюбием, хотела одна повелевать, одна царствовать и наложила на историка печальный долг быть ее обвинителем.

София занималась и литературою: писала трагедии и сама играла их в кругу своих приближенных. Мы читали в рукописи одну из ее драм и думаем, что царевна могла бы сравняться с лучшими писательницами всех времен, если бы просвещенный вкус управлял ее воображением.

Симеон Петровский Ситианович Полоцкий

Иеромонах, родился в 1628, умер в 1680 году.

Учитель Петра Великого, просвещеннейший муж своего времени, богослов и стихотворец, он переложил в стихи – или, лучше сказать, в рифмы: ибо греческий *метр* был тогда еще неизвестен – не только песни Давидовы, но и самый церковный месяцеслов; имел дар слова, который не есть дар красноречия; говорил и писал для современников, следственно не для нас; но как древние философы, описывая творение мира, всегда начинали с темного, неустроенного хаоса, так и философический исследователь нашего языка должен начать любопытный труд свой с произведений Симеона Полоцкого.

Известно предсказание его о рождении Петра Великого. Стихотворцы часто бывают астрологами и не всегда обманываются.

Димитрий Туптало

Святой митрополит и чудотворец Ростовский и Ярославский, родился около 1671 года, скончался в 1709 году.

Димитрий, митрополит Ростовский, не столько известен по своему авторству, сколько по святому житию и добродетелям своим; но он много писал и в разных родах: *поучительные слова* (в коих довольно риторических фигур), *о славянском народе, о всемирной истории, духовные комедии стихами и розыск*, которым хотел он обратить в истинную веру брынских раскольников и который писан с жаром благочестия. Петр Великий изъявил ему особенное свое благоволение за сию книгу. Но важнейшее из его творений есть собрание исторических известий о всех святых, изданное под именем «Минеи». Примечания достойно то, что Димитрий, посвящая всю жизнь христианской добродетели, находил время и для чтения стихотворцев. Он любил Горация и знал наизусть многие стихи его [4].

Феофан Прокопович

Архиепископ великого Новаграда и Великих Лук, святейшего правительствующего синода первенствующий член, родился в 1681, умер в 1736 году.

Ученый богослов и природный оратор. В речах его, духовных и светских, рассеяно множество цветов красноречия, хотя слог их нечист и, можно сказать, неприятен. Мысль, что Петр Великий бывал часто его слушателем; искреннее, жаркое чувство, с которым он говорит о великих делах его, обращаясь лично или к нему самому, или к его знаменитым сподвижникам; означение славных эпох России и, наконец, счастливые, живые черты, вдохновение истинного гения: вот прелесть Феофановых речей, которая всегда будет действовать на русское сердце! Забывая негладкость языка, пленяемся их содержанием и льем радостные слезы, читая слово о незабвенном торжестве полтавском, о юном, но уже славном флоте российском, о возвращении монарха из чужих земель к подданным и детям своим. Когда же оратор в кипении горе-

сти, в отчаянии сердца восклицает: «Что делаем? Петра Великого погребаем!..», и теперь, и теперь еще благодарные сыны отечества рыдают с ним! Предание говорит, что Феофан, сказав сие ужасное слово, не мог продолжать от собственных слез и всеобщего стенания.

Счастливейший век поэзии и витийства, когда предмет их столь велик и любезен!

В Феофане сияет уже заря российского красноречия; но, будучи предшественником Ломоносова, он не похитил у него славы быть нашим лучезарным Фебом.

Им сочинены многие богословские, нравоучительные книги и даже предисловие к морскому уставу. Как муж просвещенный, благообразный политик и любимец Петра, он старался доказывать мудрость всех новых его учреждений; первый открыл талант молодого Кантемира; ободрял, наставлял его и вместе с ним писал стихи: два человека, с коими, по тогдашнему времени, никто не мог спорить в остроумии и в учености.

Феофан имел блестящие достоинства, следовательно и неприятелей, которые обвиняли его ересью в умствованиях и в теологии; но в

царствование ли Петра Великого могло быть опасно такое злословие?

Князь Хилков Андрей Яковлевич

Ближний стольник и при шведском дворе резидент. Год рождения его и смерти нигде не показан; а известно только, что он умер в Швеции и что тело его привезено оттуда в Санкт-Петербург в 1718 году.

Был министром российским при дворе Карла XII. Петр Великий находил его достойным сей важной по тогдашним обстоятельствам должности: следственно, он заслуживает наше почтение.

Заключенный в Вестерасе при начале войны, князь Хилков в скуке невольного уединения искал способов заняться приятным образом и сочинил «Ядро Российской истории», {3} которое лет 50 было жертвою бессмысленных копистов и наконец, по возможности исправленное, выдано г. Миллером. Предлагая извлечение из наших летописей, автор описывает новейшие случаи по словесному преданию и запискам современников; иногда же сообщает свои догадки и мысли о разных по-

литических предметах. Книга его полезна для всякого, кто желает иметь легкое сведение о русской истории, не требуя ни основательной критики, ни красивого слога.

Князь Кантемир Антиох Дмитриевич

Тайный советник, камергер и чрезвычайный при английском и французском дворе посол, родился в 1709, умер в 1744 году.

Наш Ювенал. Сатиры его были первым опытом русского остроумия и слога. Он писал довольно чистым языком и мог по справедливости служить образцом для современников, так что, разделяя слог наш на эпохи, *первую* должно начать с Кантемира, *вторую* — с Ломоносова, *третью* — с переводов славяно-русских господина Елагина и его многочисленных подражателей, а *четвертую* — с нашего времени, в которое образуется *приятность слога*.

В стихах Кантемировых нет еще истинной меры — долгие и короткие слоги смешаны без разбора — но есть гармония. В прозе он лучше выражал *свои*, нежели чужие мысли; например, стиль в предисловии к Фонтенелевой книге «О множестве миров» несравненно глаже, нежели в самом переводе. Мы имели слу-

чай видеть его министерские донесения из Лондона и Парижа, писанные ясно и правильно. Между прочим, характеристическое изображение Роберта Вальполя, славного министра Англии, доказывает, что Кантемир имел острый взор для замечания тайных сгибов человеческого сердца и легкое перо для описания своих замечаний.

Самые просвещенные иноземцы чувствовали цену его ума и нравственных достоинств. Кантемир был другом известного аббата Гуаско и приятелем славного Монтескье [5]. Любовь к наукам и словесности, следствие нежного образования души, всегда бывает соединена с благородным влечением к дружбе, которая, питая чувствительность, дает уму еще более силы и парения.

Татищев Василий Никитич

Тайный советник и астраханский губернатор. Год рождения его неизвестен, а умер в 1750 году.

Ревностный любитель отечественной истории, употребивший тридцать лет на соби- рание всего, что до нее касается; но сей трудо- любивый муж, достойный нашего почтения, вместо истории оставил нам только материа- лы ее⁴ и прибавил к летописям свои заме- чания. В догадках его не всегда находим веро- ятность, а в соображениях ту ясную простоту, которую любят читатели для своего покоя. Он заставляет нас еще работать умом и вместе с ним теряться в хаосе противоречий. Историк должен все обделать в голове своей; ему труд, а нам плоды трудов его. Мы охотно идем за ним во мрак давно прошедших веков, если факел его светит перед нами ясно. Господин Татищев издал, между прочим, весьма любо- пытные отрывки летописи, сочиненной буд- то бы еще прежде Нестора Новгородским епископом Иоакимом; но знатоки наших древностей не хотят, к сожалению, верить ис-

тине ее. Впрочем, он был редким человеком (у нас в России) по деятельности ума своего и страстной охоте к историческим наукам.

Климовский Семен

Малороссийский казак. Жил около 1724 года.

Казак и стихотворец. В императорской библиотеке хранится его рукописное сочинение «О великодушии и правде», в котором много хороших чувств и даже хороших стихов (без определенного течения стоп). Сказывают, что Климовский не менее семи греческих мудрецов был славен и почтен между его братьями казаками; что он, как вдохновенная пифия, говаривал в беседах высокопарными стихами, давал приятелям благоразумные советы, твердил часто пословицу: «Нам добро и никому зло, то законное житье»; и любопытные приходили издалека слушать его. Малороссийская песня: «Не хочу я ничего, только тебя одного», которую поют наши любезные дамы, есть также, как уверяют, сочинение Климовского, ученика природы, к сожалению *не доученного* искусством.

Авторы России, здесь изображенные! Не стыдитесь видеть его в вашем обществе.

Буслаев Петр

Был диаконом московского Успенского собора и жил около 1734 года.

Автор большой поэмы, названной им: «Умозрительство душевное о преселении в вечную жизнь превосходительной баронессы Марьи Яковлевны Строгоновой» и напечатанной в 1734 году. Тредиаковский пленялся разными местами сей поэмы и восклицал: «Что выше сего выговорить возможно? Что сладостнее и вымышленнее? Что глаже и плавнее?» Хотя вкус и свидетельство творца «Телемахиды» не очень надежны, однако ж на сей раз подпишем его судейское определение, с некоторым исключением, и скажем, что в стихотворении Буслаева подлинно есть и *вымысл* и *гладкость*. Например, в описании Христа многие стихи прекрасны.

Тредиаковский Василий Кирилович

Надворный советник и Санкт-Петербургской академии наук красноречия профессор. Родился в 1703, умер в 1769 году.

Если бы охота и принадлежность могли заменить дарование, кого бы не превзошел Тредиаковский в стихотворстве и красноречии?

Но упрямый Аполлон вечно скрывается за облаком для самозванцев-поэтов и сыплет лучи свои единственно на тех, которые родились с его печатью.

Не только дарование, но и самый вкус не приобретается; и самый вкус есть дарование. Учение образует, но не производит автора.

Тредиаковский учился во Франции у славного Роллена; знал древние и новые языки; читал всех лучших авторов и написал множество томов в доказательство, что он... не имел способности писать.

Однако ж труды его были не совсем бесполезны. Он первый изъяснил на русском языке меру стихов и перевел «Древнюю историю»,

которую по сие время читают наши провинциальные дворяне.

Имя Тредиаковского будет известно самым отдаленным потомкам. Сохраним же образ его и почтим в нем... трудолюбие науки и несчастье природы.

П. П. Не многие, может быть, знают следующий анекдот. Екатерина II, любя успехи русского языка, желала, чтобы в избранном обществе «Эрмитажа» все говорили по-русски. Ее воля была законом. Но законодатель должен предвидеть и неисполнение: какое же наказание определила монархиня для преступников? За всякое иностранное слово, вмешенное в разговор, виновный осуждался прочесть сто стихов из «Телемахида» Тредиаковского.

Сильвестр Кулябка

Архиепископ Санкт-Петербургский и Ревельский и архимандрит троицкого Александро-Невского монастыря. Родился около 1701, умер в 1761 году.

Сочинил много проповедей; некоторые из них напечатаны. Кажется, что он сам не думал быть оратором и хотел говорить только простым языком христианского учителя. Слог его весьма нечист и темен, ко вреду многих хороших мыслей, рассеянных в поучительных словах сего архиепископа.

Крашенинников Степан

Санкт-Петербургской императорской Академии наук профессор ботаники и натуральной истории. Родился в 1713, умер в 1755 году.

Он, жив четыре года в Камчатке, описал сию любопытную страну, где человек поселился вопреки природе, среди глубоких снегов, влажных туманов и гор огнедышущих. В описании его нет той приятности, которою талант все украшает, не отходя от исторической истины; однако ж виден ум и хорошее расположение. Господин Крашенинников славился в свое время чистотою и правильностию слога. Его перевод Квинта Курция{6} считался совершенным и классическим; он и теперь имеет цену свою, по крайней мере в сравнении с другими переводами латинских авторов. – Достойно замечания, что г. Крашенинников умер в самый тот день, как отпечатался последний лист «Описания Камчатки».

Барков Иван

Переводчик при императорской Академии наук. Когда родился, неизвестно, умер в 1768 году.{7}

Перевел Горациевы сатиры и Федровы басни, но более прославился собственными замысловатыми и шуточными стихотворениями, которые хотя и никогда не были напечатаны, но редкому неизвестны. Он есть русский Скаррон и любил одни карикатуры. Рассказывают, что на вопрос Сумарокова: «Кто лучший поэт в России?» *студент* Барков имел смелость отвечать ему: «Первый – Ломоносов, а второй – я!» У всякого свой талант: Барков родился, конечно, с дарованием; но должно заметить, что сей род остроумия не ведет к той славе, которая бывает целию и наградю истинного поэта.

Гедеон

Епископ Псковский и Нарвский. Родился в 1728, умер в 1765 году.

Проповеди Гедеоновы славны и достойны того. Они исполнены христианского благочестия, умных рассуждений, нравственных истин и самых ораторских движений. Слог их неравен, однако ж ясен и вообще имеет довольно гармонии. Гедеон отменно любил брать примеры из истории и природы (видно, что он знал хорошо древних историков и Плиния); любил также приводить места из святых отцов и церковных учителей, всегда кстати и к истинному украшению своих проповедей; одним словом, был учен, имел великий природный разум и талант красноречия. Его справедливо называют вторым Феофаном. Он, может быть, не уступал ему в дарованиях; но талант Феофана был возвеличен чрезвычайными своими предметами. Гедеон умел также пользоваться обстоятельствами времени: например, ужасное лиссабонское землетрясение послужило ему материею для одного из лучших слов его.

Димитрий Сеченов

Митрополит Новгородский. Родился в 1708, умер в 1767 году.

Мы изображаем здесь Димитрия как автора многих проповедей, коих достоинство состоит не в искусстве ораторском, но в чистом христианском учении и в смелом изображении мирских пороков. Он в присутствии двора громогласно укорял льстецов и знатных вельмож, для которых низкая и личная польза есть обожаемый идол. Добродетель жизни его давала ему право быть строгим на кафедре. Замечания достойнейшая проповедь Димитриева есть «Слово на день благовещения», где он изображает состояние религии и служителей ее в России перед восшествием на трон императрицы Елисаветы Петровны. Екатерина Великая оказывала отменное уважение к добродетелям Димитрия, который имел славу быть ее советником во всем, что касалось до нашего духовенства.

Ломоносов Михайло Васильевич

Статский советник, Санкт-Петербургской Императорской Академии наук профессор, Стокгольмской и Болонской член. Родился в 1711, умер в 1765 году.

Рожденный под хладным небом Северной России, с пламенным воображением, сын бедного рыбака, сделался отцом российского красноречия и вдохновенного стихотворства.

Ломоносов был первым образователем нашего языка; первый открыл в нем изящность, силу и гармонию. Гений его советовался только сам с собою, угадывал, иногда ошибался, но во всех своих творениях оставил неизгладимую печать великих дарований.

Он вписал имя свое в книгу бессмертия, там, где сияют имена Пиндаров, Горацийев, Руссо.

Современники могли только удивляться ему; мы судим, различаем и тем живее чувствуем его достоинство.

Лирическое стихотворство было собствен-

ным дарованием Ломоносова. Для эпической поэзии нашего века не имел он, кажется, достаточной силы воображения, того богатства идей, того всеобъемлющего взора, искусства и вкуса, которые нужны для представления картины нравственного мира и возвышенных, иройских страстей. Трагедии писаны им единственно по воле монархини; но оды его будут всегда драгоценностию российской музыки. В них есть, конечно, слабые места, излишности, падения; но все недостатки заменяются разнообразными красотами и пиитическим совершенством многих строф. Никто из последователей Ломоносова в сем роде стихотворства не мог превзойти его, ниже сравняться с ним.

Проза Ломоносова вообще не может служить для нас образцом; длинные периоды его утомительны, расположение слов не всегда сообразно с течением мыслей, не всегда приятно для слуха; но талант великого оратора блистает в двух похвальных речах его, которые и теперь должно назвать одним из лучших произведений российского, собственно так называемого, красноречия.

Если гений и дарования ума имеют право на благодарность народов, то Россия должна Ломоносову монументом.

Сумароков Александр Петрович

Действительный статский советник и св. Анны кавалер, родился 1718, умер в 1777 году.

Имя Сумарокова было в свое время так же велико, как имя Ломоносова. Один славил Елисавету на лире и на кафедре академической; другой пленял ее чувствительность драматическими картинами на сцене.

Оба талантами своими украсили и прославили время ее царствования. Имя того и другого напоминает счастливое рождение нашего *нового* стихотворства.

Сумароков еще сильнее Ломоносова действовал на публику, избрав для себя сферу обширнейшую. Подобно Вольтеру, он хотел блистать во многих родах – и современники называли его нашим Расином, Мольером, Лафонтеном, Буало. Потомство не так думает; но, зная трудность первых опытов и невозможность достигнуть вдруг совершенства, оно с удовольствием находит многие красоты

в творениях Сумарокова и не хочет быть строгим критиком его недостатков.

Уже фимиам не дымится перед кумиром; но не тронем мраморного подножия; оставим в целости и надпись: *Великий Сумароков!* Соорудим новые статуи, если надобно; не будем разрушать тех, которые воздвигнуты благородною ревностью отцов наших!

Но признавая (вместе со всеми) басни Сумарокова лучшим его творением, мы не сравниваем их с Лафонтеновыми, которые пленяют любезной простотою и живописными стихами. Русский басенник может нравиться только легкостью и резкою сатирою; Лафонтен также колет глаза пороку, но всегда с видом неизъяснимого добродушия: Сумароков язвит сильным стихом без пощады.

В трагедиях своих он старался более описывать чувства, нежели представлять характеры в их эстетической и нравственной истине; не искал чрезвычайных положений и великих предметов для трагической живописи, но, в надежде на приятную кисть свою, основывал драму всегда на самом обыкновенном и простом действии; любил так называемые

прощальные сцены, для того что они извлекали слезы из глаз чувствительной Елисаветы; и, называя героев своих именами древних князей русских, не думал соображать свойства, дела и язык их с характером времени. Но многие стихи в его трагедиях нежны и милы; многие сильны и разительны. Довольно для вечной славы поэта, открывшего в России сцену Мельпомены!

Эмин Федор

Титулярный советник и кабинетный переводчик. Родился 1735, умер в 1770 году.

Самый любопытнейший из романов г. Эмина есть собственная жизнь его, как он рассказывал ее своим приятелям [6], а самый неудачный – российская его история. Он родился в Польше, был воспитан иезуитом, странствовал с ним по Европе и Азии, неосторожно заглянул в гарем турецкий, для спасения жизни своей принял магометанскую веру, служил янычаром, тихонько уехал из Константинополя в Лондон, явился там к нашему министру, снова крестился, приехал в Петербург и сделался – русским автором. – Вот богатая материя для шести или семи томов! Сочинив «Мирамонда», «Фемистокла», «Эрнеста и Доравру», «Описание Турецкия империи», «Путь к спасению», {8} он издавал журнал под именем «Адской почты» и, наконец, увенчал свои творения «Российскою историею», в которой ссылается на *Полибиевы известия о славянах*, на *Ксенофонову скифскую историю* и множество других книг, никому в мире не из-

вестных. Ученый и славный Шлецер всего более удивляется тому, что Академия напечатала ее в своей типографии. – Впрочем, г. Эмин неоспоримо имел остроумие и плодовитое воображение; знал, по его уверению, более десяти языков и хотя выучился по-русски уже в средних летах, однако ж в слоге его редко приметен иностранец.

Майков Василий

Он хотел идти по следам Сумарокова: писал трагедии, басни, оды, эклоги, эпистолы, которые в свое время нравились публике, хотя и тогда не считались превосходными. Но истинное дарование его обнаружилось в двух комических поэмах: «Игрок Ломбера» и «Елисей, или Раздраженный Вакх». И в той и в другой находим воображение, то забавную важность, то шутовское остроумие. Многие карикатуры в «Елисее» живописны и точно русские; они никогда не потеряют цены своей. – Господин Майков не знал иностранных языков, и потому Дидерот, обедая с ним во дворце [7], сказал ему через переводчика: «Угадываю, как пишут господа Сумароков и Херасков, которые читают французских авторов; но я желал бы знать по-русски, чтобы видеть в стихах ваших поэта оригинального». Такое заключение несправедливо. Знание языков не мешает оригинальности, и всякий истинный, зрелый талант имеет свою физиономию. Можно также не знать иностранных языков и быть все еще подражателем, каким и был г.

Майков во многих своих творениях, взяв себе за образец Сумарокова.

Поповский Николай

Профессор. Родился около 1730 года, умер в 1760 году.

Он всего более известен переводом славного «Опыта о человеке» – «Essay on man». Ломоносов называл Поповского надеждою русского Парнаса и весьма усердно хвалил его. В самом деле, некоторые места «Опыта» переведены очень хорошо, хотя и не с подлинника, а с французского. Судьба сего творения на русском языке всем известна: цензура ослабила в нем многие стихи; но ум автора и талант переводчика сохранили печать свою. – Локково сочинение «О воспитании» и Горациева эпистола «О стихотворстве» переведены также г. Поповским. Стихи его лучше прозы, довольно ясной, но не довольно гладкой, хотя и в первых он не успел еще достигнуть до возможного совершенства: к сожалению, г. Поповский скончался на тридцатом году от рождения, будучи профессором красноречия при Московском университете; и за несколько дней до смерти сжег все свои рукописи, считая их недостойными напечатания: такая

строгость вкуса бывает знаком необыкновенного дарования. – Если бы он пожил долее, то Россия, конечно, могла бы гордиться его изящными произведениями.

Попов Михайло

Секретарь Комиссии сочинения законов.

Его сочинения, стихи и проза, изданы вместе под именем «Досугов»;{9} а песни были несколько раз особливо напечатаны: следовательно, они нравились публике; многие из них замысловаты и нежны... Вообще стихи г. Попова не *пусты мыслями*; в них есть и счастливые выражения, хотя слог не всегда чист и приятен.

Сей автор любил русские древности и сочинил описание славянского богослужения {10}, которое Левек перевел и выдал за историческое, не зная, что оно не имеет никакой достоверности: ибо религия российских славян в самом деле нам неизвестна. Нестор не говорит об ней почти ни слова. В деревнях наших сохранились сказки о *леших* и *русалках*; в припеве старых песен слышим имена *Дидо*, *Лудо* — и более ничего не знаем. Так по крайней мере скажет историк, который умеет отличить истины от басен.

Переводы г. Попова были в великом уважении: особливо Тассов «Освобожденный Иеру-

салим», о котором Екатерина Вторая упоминает с похвалою в одном из писем своих к Вольтеру.

Примечания

28 марта 1800 года Карамзин в письме Дмитриеву сообщил о начале работы над «Пантеоном»: «Я пишу теперь нотицы к портретам русских авторов». В 1802 году в издании П. Бекетова вышли четыре тетради «Пантеона». Позже для собрания сочинений Карамзин дополнил «Пантеон» некоторыми новыми характеристиками писателей. Одним из главных источников был «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н. Новикова, изданный в 1772 году. В тексте сохраняются даты жизни и смерти писателей, сообщенные Карамзиным; в указателе они уточнены по новейшим источникам.

Сноски

1

Из некоторых мест «Слова о полку Игореве» можно заключить, что Боян жил при князе полоцком Всеславе I.

[^^^]

2

Но не сочинял их.

[^^^]

3

См. «Письма» его, изданные Новиковым. {11}

[^^^]

4

См. «Келейные письма» Димитрия.

[^^^]

5

«L'abbe Venuti, – пишет Монтеस्कье к аббату Гуаско, – m'a fait part de l'affliction que vous a causee la mort, de votre ami le Prince Cantemir, et du projet, que vous avez forme de faire un voyage dans nos Provinces meridionales. Vous trouverez partout des amis pour remplacer celui, que vous avez perdu; mais, la Russie ne remplacera pas si aisement un ambassadeur du merite du Prince Cantemir». (Аббат Венути поведал мне о скорби, которую причинила Вам смерть Вашего друга, князя Кантемира, а также о Вашем намерении совершить поезд-

ку по нашим южным провинциям. Повсюду Вы найдете друзей, которые заменят Вам того, кого Вы потеряли; но России не так-то легко будет заменить посла столь больших достоинств, каким был князь Кантемир (франц.). – Ред.)

[^^^]

6

См. «Опыт исторического словаря».{12}

[^^^]

Екатерине Великой угодно было познакомить Дидерота с русскими авторами и пригласить их к обеду.{13}

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Речь идет о «Слове о полку Игореве». См. прим. к статье «Несколько слов о русской литературе»

[^^^]

2

Первое издание «Слова о полку Игореве» было осуществлено в 1800 году учеными-специалистами – А. Ф. Малиновским а Н. Н. Бантыш-Каменским.

[^^^]

3

Подлинным автором «Ядра» был секретарь Хилкова А. И. Мавкиев. «Ядро» писалось по распоряжению Петра I и было закончено в 1715 году, но издано только в 1770 году историком Миллером, который по небрежности приписал авторство князю А. Я. Хилкову.

[^^^]

4

В. Н. Татищев – автор многочисленных исторических сочинений и научных публикаций исторических документов (с предисловиями и комментариями). Главный его труд – «История российская с самых древнейших времен» (четыре книги выходили с 1768 по 1784 год, пятая была напечатана только в 1848 году) – серьезное историческое сочинение, интересное не только богатством фактов и материалов, но и попыткой объяснить исторические явления не вмешательством божественного провидения и не подвигами отдельных лю-

дей, а общественным устройством. Карамзин повторяет распространенную в то время несправедливую оценку «Истории российской» Татищева.

[^^^]

5

Популярные песни Климовского привлекли к их автору внимание драматурга А. А. Шаховского, который написал в 1812 году оперу-водевиль «Козак-стихотворец», пользовавшуюся шумным успехом у зрителя.

[^^^]

6

В 1750–1751 годах вышла книга «История о Александре Великом, царе Македонском, писанная Квинтом Курцием», в переводе с латинского С. Крашенинникова. Перевод Крашенинникова пользовался успехом и многократно переиздавался; в 1800–1801 году вышло четвертое издание.

[^^^]

7

Новиков свидетельствует, что Барков «сочинил также «Краткую российскую историю» от Рюрика до времен Петра Великого, но она не напечатана; также сочинил он описание жизни князя Антиоха Кантемира и на сатиры его примечания». Первое издание сатир Кантемира со статьей и примечаниями Баркова вышло в 1762 году.

[^^^]

Полное название романов Ф. Эмина: «Непостоянная фортуна, или Похождения Мирамонда» (1763), «Приключения Фемистокла и разные политические, гражданские, философские и военные его с сыном своим разговоры, постоянная жизнь и жестокость фортуны, его гонящей» (1763); «Письма Эрнеста и Доравры» (четыре части с 1766 по 1768); историческое сочинение «Краткое описание древнейшего состояния Отоманской Порты» (1769) и богословское – «Путь ко спасению, или Разные набожные размышления, в которых заключается нужнейшая часть богословия» (1770).

[^^^]

Издание называется «Досуги, или Собрание сочинений и переводов Михаила Попова», чч. I, II, 1772.

[^^^]

Стремясь популярной античной мифологии противопоставить славянскую мифологию, Попов в 1768 году издал «Краткое описание древнего славянского языческого баснословия». Источником этой книги были сказки, песни, обычаи народа. Многие имена богов сочинил сам Попов. Писатель открыто заявлял о мнимо-историческом характере своей мифологии и предупреждал, что его «сочинение сделано больше для увеселения читателей, нежели для важных исторических справок; и больше для стихотворцев, чем для историков». Карамзин неточно цитирует названные книги Попова – вместо «Краткое описание древнего славянского языческого

баснословия» пишет: «описание славянского богослужения».

[^^^]

11

Н. И. Новиков, собрав документы об Артемоне Матвееве, издал их в 1776 году отдельной книгой: «История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева, состоящая из челобитен, писанных им к царю и патриарху, также из писем к разным особам, с приобщением объяснения о причинах его заточения и о возвращении из одного». Книга посвящена графу П. А. Румянцеву, богатейшим собранием рукописей которого пользовался Новиков.

[^^^]

12

Речь идет об «Опыте исторического словаря о российских писателях», изданном Новиковым в 1772 году.

[^^^]

13

П. А. Вяземский в своей книге о Фонвизине указывает, что обед для петербургских литераторов, на который пригласили и Дидро, был дан Г. Г. Орловым.

[^^^]

[^^^]